На правах рукописи

УШАКОВА ОКСАНА НИКОЛАЕВНА

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ В ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИРИКЕ Г.В. ИВАНОВА

Специальность: 10.01.01 Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Иваново – 2020

Работа выполнена в ФГБОУ ВО
«Костромской государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Коптелова Наталия Геннадьевна

Официальные оппоненты: **Солнцева Наталья Михайловна**,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Шадурский Владимир Вячеславович,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»**

Защита состоится 17 сентября 2020 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37, ауд. 403.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке университета и на сайте ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»:
http://ivanovo.ac.ru/sveden/struct/dissertational_councils/1495/2020.php

Автореферат разослан « » _____ 2020 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук Д.Л. Лакербай

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Лирика Георгия Владимировича Иванова концентрирует в себе художественные искания и достижения поэзии первой половины XX века. Его непростой, извилистый творческий путь тесно связан с трагическим разделением русской литературы на два потока: литературу советской и эмигрантской России. Расставшись с родиной, Иванов встает перед необходимостью решить сложную проблему творческой самоидентификации. Поэт оказывается в ситуации «культурного междумирия», требующей от него напряженного осмысления собственных взаимоотношений с отечественной литературной традицией.

Актуальность диссертационного исследования определяется недостаточной разработанностью и дискуссионностью избранной научной проблемы, ее значимостью для понимания не только творческой индивидуальности Г.В. Иванова, но и ряда особенностей литературы русского зарубежья в целом. **Историко-литературный аспект актуальности работы** мотивирован необходимостью изучения многообразных истоков эмигрантской литературы первой волны. Повышенный интерес современного литературоведения к проблеме трансформации художественной преемственности в русской литературе делает **актуальным теоретический аспект** рассматриваемой в диссертации темы.

Степень разработанности проблемы. Особый подход к изучению художественного наследия Иванова в отечественном литературоведении связан с разработкой проблемы поэтических традиций в его эмигрантской лирике. Вопрос о специфике творческой преемственности, проявившейся в зарубежных стихах Иванова, фрагментарно затрагивается, например, в статьях Н.М. Солнцевой, А.А. Хадынской, М.А. Васильевой, О.А. Коростелева и Е.В. Кузнецовой. Можно также выделить ряд статей, в которых предметом анализа становится интертекстуальная основа как один из способов освоения классических образцов русской поэзии на примере одного стихотворения Иванова (А.К. Жолковского, А.Е. Рыловой).

Следует также упомянуть научные монографии А.И. Чагина[1], в которых проблема традиций в поэзии Иванова рассматривается в контексте исследования всей эмигрантской словесности в целом. Автор этих работ правомерно доказывает: обостренный интерес Иванова-лирика к творческому опыту предше-

[1] Чагин А.И. Расколотая лира: Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920 – 1930-е годы. – М., 1998. – 272 с.; Чагин А.И. Пути традиционализма // Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века. – М., 2008. – URL: https://sv-scena.ru/Buki/Puti-i-litsa-O-russkoyi-lityeraturye-XX-vyeka.Index.html#Buki-Puti-i-litsa-O-russkoyi-lityeraturye-XX-vyeka (дата обращения: 20.03.2019).

ственников в определенной мере связан с общими исканиями литературы русского зарубежья. Для формирования научной стратегии нашего исследования концептуально важны наблюдения и выводы, содержащиеся в монографии Т.В. Данилович[2]. Она точно выявляет культурные коды, свидетельствующие о пристальном внимании поэта к принципам акмеизма и символизма, воплощенным в его лирике. Но автор монографии проходит мимо романтических традиций, весьма значимых в ивановской поэзии. На наш взгляд, освоение Ивановым опыта романтиков необходимо учесть, чтобы иметь более полные представления о развитии его индивидуально-авторского стиля и линиях творческого наследования, характеризующих его творчество. В целом вне поля зрения Данилович оказывается уровень преемственности, соотносящийся с образно-мотивной системой, сформировавшейся в зарубежной лирике поэта.

Значимый вклад в разработку проблемы поэтических традиций в эмигрантской лирике Иванова вносят диссертационные исследования Н.А. Кузнецовой[3], А.В. Трушкиной, Т.С. Соколовой, О.А. Чехуновой[4], Е.А. Рыловой[5] и др. В них реконструируются фрагменты творческого диалога Иванова с поэтами-предшественниками и современниками. Однако в перечисленных выше работах характеризуется лишь ряд образов, мотивов, наследованных Ивановым от лириков XIX – XX веков и переосмысленных им. В них только намечен подступ к решению вопроса о разноплановых истоках его творчества. Масштабных исследований, которые бы были специально посвящены проблеме традиций русской поэзии в лирике Иванова (в том числе, зарубежного периода), в современном литературоведении нет. Таким образом, целостные представления о многообразных генетических связях творчества Иванова-эмигранта с поэзией XIX – XX веков к настоящему времени еще не сложились. А между тем соотношение традиционного и индивидуально-авторского в ивановской поэтике позволит не только постичь специфику его художественного «диалога» с поэтами-предшественниками и современниками, но и поможет уточнить картину развития русской лирики XIX – XX веков в целом.

---

[2] Данилович Т.В. Культурный компонент поэтического творчества Г. Иванова. – Минск, 2000. – 159 с.

[3] Кузнецова Н.А. Творчество Г. Иванова в контексте русской поэзии первой трети 20 века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. − Магнитогорск, 1999. – URL: http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-georgiya-ivanova-v-kontekste-russkoi-poezii-pervoi-treti-khkh-veka (дата обращения: 18.11.2018).

[4] Чехунова О.А. Циклическая структура поэтических сборников Георгия Иванова 1930-х годов как отражение экзистенциальной картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Москва, 2012. – 17 с.

[5] Рылова А.Е. Георгий Иванов и русский символизм: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. – Шуя, 2006. – 24 с.

Объектом исследования стали традиции русской поэзии, освоенные Ивановым в эмигрантской лирике.

Предмет исследования – интерпретация ключевых образов-архетипов, наследованных Ивановым-эмигрантом от русской поэзии, а также использованные им в лирике формы и механизмы творческой преемственности.

Материалом для исследования послужили сборники эмигрантского периода Г. Иванова (1922 – 1958): «Розы» (1931), «Отплытие на остров Цитеру» (1937), «1943 – 1958. Стихи» («Портрет без сходства» (1958), «Rayon de rayonne» (1958), «Дневник» (1958)), «Посмертный дневник» (1958). В качестве вспомогательных источников в диссертации рассматриваются литературно-критические статьи Иванова (1914 – 1957).

Цель исследования – раскрыть роль традиций русской поэзии в эмигрантской лирике Иванова; показать пути и способы художественного наследования, характерные для этого автора. Для достижения поставленной цели нами были определены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть проблему литературных традиций в теоретическом аспекте; обобщить опыт отечественного литературоведения в области изучения форм и механизмов художественной преемственности.
2. Проследить литературные истоки эмигрантской поэзии Г.В. Иванова, реконструировать картину преемственных связей его лирики с творчеством авторов-предшественников и современников.
3. Выделить образы-архетипы, являющиеся генетическими доминантами в эмигрантской поэзии Иванова и формирующие смысловые «узлы» его художественных концепций.
4. Раскрыть специфику механизмов художественной преемственности, использованных в поэзии Иванова 1930 – 1950-х годов.
5. Показать, как освоение различных традиций русской поэзии влияло на эволюцию индивидуально-авторского стиля Георгия Иванова и транслировало его эстетические ориентации.

Специфика материала, цель и задачи диссертации определили выбор следующих **методов** исследования: биографический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, мифопоэтический и герменевтический.

Теоретико-методологической базой стали труды отечественных ученых, заложившие представления о феномене литературной традиции, о формах и механизмах преемственности в художественной словесности: М.М. Бахтина, А.С. Бушмина, Д.Д. Благого, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, В.В. Мусатова, Е.М. Мелетинского, А.Ю. Большаковой, М.Н. Эпштейна, В.Е. Хализева, Г.В. Петровой, Н.В. Нелегач, О.А. Лекманова, Л.Г. Кихней, В.В. Шадурского, С.А. Мартьяновой.

Кроме того, научная стратегия исследования строится с учетом достижений изучения творческого наследия Г.В. Иванова, обобщенных в работах: В.П. Крейда, Е.В. Витковского, А.Ю. Арьева, Р.Д. Тименчика, А.И. Чагина, С.Р. Федякина, А.П. Авраменко, Н.М. Солнцевой, Н.А. Богомолова, О.А. Коростелева, Т.В. Данилович, М.Ю. Гапеенковой, О.А. Чехуновой, Н.А. Кузнецовой, А.В. Трушкиной, А.Е. Рыловой.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые рассмотрена интерпретация ключевых образов-архетипов, наследованных Ивановым-эмигрантом от русской поэзии и образующих ядро его лирической системы. В работе также выявляются индивидуально-авторские способы и механизмы художественной преемственности, характерные для его творческого мышления.

Теоретическая значимость исследования. Результаты диссертационной работы позволят уточнить существующие в науке представления о формах и механизмах художественной преемственности, специфичных для литературы русского зарубежья.

Практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться при дальнейшем изучении творчества Иванова, литературы русской эмиграции в целом. Материалы и выводы диссертации могут быть востребованы в практике вузовского преподавания: при чтении курса «История русской литературы XX века», при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по литературе русского зарубежья.

На защиту выносятся следующие **положения:**

1. Магистральный вектор наследования Ивановым традиций русской поэзии проходит по линии образов-архетипов. Ядро его эмигрантской лирики составляют архетипы «лодки», «паруса», «корабля», «птицы», «музыки». Их семантика во многом сохраняет акмеистический код, образующий одну из генетических доминант его поэтической системы.

2. «Лодочно-корабельные» образы, входящие в «фонд преемственности» русской поэзии, создают в художественном пространстве сборников Иванова 1930 – 1950-х годов особый архетипический комплекс «корабля». Он восходит к фольклорно-мифологическим представлениям славян и опирается на отечественную литературную традицию. Образы, составляющие комплекс «корабля», многозначны: они соотносятся с идеями поиска смысла жизни, истины и счастья или ассоциированы с трагедией одиночества и предчувствием смерти. Осмысление «корабельно-лодочных» архетипов преемственно связывает эмигрантскую лирику Иванова с творчеством поэтов-соотечественников: предшественников и современников. Возникает его разнонаправленный диалог с Державиным, Жуковским, Лермонтовым, Анненским, Блоком, Северяниным. В ин-

терпретации архетипов «лодки», «паруса», «корабля», репрезентирующих мотив изгнанничества, Иванов выступает и как новатор. В своих стихах он усиливает их трагический смысл, подчеркивая неотвратимость личной и мировой катастрофы, связанной с историческим сломом и утратой родной духовной почвы.

3. Архетип «птицы» также активно используется в зарубежных сборниках Иванова. Он воплощается в разных символических вариациях: в обобщенном, собирательном образе «птицы» и в образах «птиц», принадлежащих к определенным видам («соловья», «лебедя», «журавля», «вороны», «петуха», «ласточки»). Осмысление Ивановым «птичьего пантеона», с одной стороны, происходит в согласии с поэтическими традициями русской классики, преломляющими фольклорно-мифологические и христианские представления, а с другой стороны, конфронтирует с ними. Интерпретируя архетип «птицы», поэт-эмигрант наследует и трансформирует творческий опыт И.А. Крылова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Майкова, О.Э. Мандельштама и др. Орнитологическая символика, генетически связанная с традициями русской поэзии, принимает участие и в создании образа «души», являющегося стержнем художественной системы Иванова. В его эмигрантской лирике душа порою принимает облик птицы: может перевоплощаться в образы «ласточки», как в поэзии Жуковского, Майкова, Мандельштама, и «лебедя», что характерно для многих русских авторов, чье творчество восходит к романтической эстетике. В то же время освоение русской поэтической традиции при интерпретации символа «души» в лирике Иванова 1950-х годов идет по вектору полемического пересоздания: со временем из семантической структуры образа «души» «вымывается» «орнитологический» компонент.

4. Интерпретация Ивановым «музыкальных» архетипов осуществляется под знаком диалога: они осмысливаются им сквозь призму «музыкальной» философии символистов, провозглашавших в своей эстетике и поэзии «музыку» первоосновой мира, главным условием для обеспечения гармонии бытия. Но в то же время Иванов культивирует свой «музыкальный» миф, который видоизменяется на протяжении создания всех его зарубежных сборников.

5. Образ Офелии, уподобленной поэтом «музыкальной спирали», оказывается смысловым ключом для истолкования целостной системы «музыкальных» архетипов, сложившейся в его поэзии 1930 – 1950-х годов. Именно через диалектическую природу этого символа осуществляется понимание феномена «музыки» самим Ивановым. Такое «спиралеобразное» движение «музыкальной» стихии запечатлено в его эмигрантской лирике.

Проблематика и выводы диссертации **соответствуют паспорту специальности 10.01.01** – Русская литература по следующим пунктам: п. 3. – Исто-

рия русской литературы XIX века (1800 –1890-е годы); п. 4. – История русской литературы XX – XXI веков; п. 7. – Биография и творческий путь писателя; п. 8. – Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве; п. 11. – Взаимодействие творческих индивидуальностей, деятельность литературных объединений, кружков, салонов и т. п.

Апробация результатов работы проходила на 19 международных, всероссийских и межвузовских конференциях в период с 2016 – по 2019 годы: «Мировая литература глазами современной молодежи» (Магнитогорск, 2016, 2017); «Власть и общество в условиях модернизации» (Кострома, 2017); «Революционные потрясения и социальные проекты XX столетия в художественном, религиозном и социокультурном осмыслении» (Кострома, 2017); «Слово и текст в культурном и политическом пространстве» (Сыктывкар, 2017, 2018); «Литература XX – XXI веков: автор, текст, интерпретация» (Иваново, 2017, 2018, 2019); «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2017); «Психолого-педагогическая деятельность: сферы сотрудничества и взаимодействия» (Кострома, 2017, 2018); «Современные проблемы преподавания русского языка и литературы в школе и вузе» (Кострома, 2017, 2018); «Актуальные проблемы современного российского общества: традиции и новации» (Кострома, 2017); «”Оттепель” как социокультурный и общественно-политический феномен» (Кострома, 2018); «Ступени роста» (Кострома, 2017, 2018); «Художественный текст глазами молодых» (Ярославль, 2018).

Результаты диссертационного исследования отражены в 18 публикациях, включая 3 публикации в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК.

Структура работы состоит из введения, четырех глав (одной теоретической и трех практических), заключения, списка использованной литературы, включающего 266 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обозначается степень разработанности проблемы, раскрываются актуальность, научная новизна, формулируются цель и задачи исследования. Определяются объект и предмет исследования, характеризуются его теоретико-методологические основы. Излагаются основные положения, выносимые на защиту, и высказываются соображения о теоретическом и практическом значении результатов исследования.

В **главе 1. «Феномен литературной традиции»** «закладывается» теоретико-методологический фундамент исследования, определяется его понятийно-терминологический аппарат.

В **разделе 1.1 «Проблема литературных традиций: теоретический аспект»** отмечается, что в отечественном литературоведении на разных этапах его развития интерес к проблеме традиций был неравнозначным, но постоянным. В авангардистски ориентированной науке XX века возникла тенденция, направленная на дискредитацию и даже отрицание понятия «традиция». Она восходит к исканиям формальной школы в литературоведении. Формалисты третировали категорию традиции, фатально связывая явление преемственности с эпигонством[6]. Однако в русском литературоведении воинствующий антитрадиционализм не стал «истиной в последней инстанции». В данном разделе диссертации представлен аналитический обзор работ ведущих отечественных исследователей (М.М. Бахтина, А.С. Бушмина, Д.Д. Благого, Э.А. Баллера, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, В.В. Мусатова, В.Е. Хализева, Н.В. Белой, Г.В. Казанцевой, О.Н. Веселовой), пытавшихся определить эстетическую сущность литературной традиции. Вслед за этими учеными мы считаем традицию не только одним из главных стимулов писательской деятельности, но и особой формой самопознания литературы[7]. Под литературной традицией мы понимаем инициативное и творческое (активно-избирательное и обогащающее) наследование словесно-художественного опыта в осознанных или в стихийных, непреднамеренных, формах, нацеленное на обогащение культурного достояния и на проявление новаторства писателя[8].

В **разделе 1.2 «Формы и механизмы литературной преемственности»** рассматриваются пути и способы наследования, востребованные в художественной словесности. Он включает в себя два подраздела.

В **подразделе 1.2.1** характеризуются результаты и достижения в области изучения феномена диалогизма, сосредоточенные в трудах М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Е. Хализева, Г.В. Петровой, Н.В. Нелегач, В.Р. Аминевой, В.Е. Посоховой, Ю.В. Золотковой, Е.В. Мищенко, А.А. Семиной, Л.Г. Кихней. Под диалогом мы понимаем осознанную или интуитивную форму преемственности, при помощи которой писатель либо развивает освоенный им творческий опыт предшественников, либо вступает с ним в полемику. В настоящем исследовании понятие «диалог» используется наравне с такими категориями, как «диалогичность», «диалогизм», «диалогические отношения», «диалогические связи». Диалогичность эмигрантской лирики Иванова восходит к эстетике ак-

---

[6]Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 272, 258.
[7] Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX в. – М., 1998. – С. 441.
[8] Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 2004. – С. 363.

меизма, в основе которой лежит «концепция эонического слова, содержащего в себе весть о прошлом, будущем и настоящем»[9].

В **подразделе 1.2.2 «Литературные образы как составляющие “фонда преемственности”»** указывается, что совокупность национальных художественных образов, включенных в литературный процесс, говорит о его единстве и непрерывности. При изучении освоения поэтических традиций в эмигрантской лирике Иванова в диссертации использована классификация литературных образов по степени смысловой обобщенности, разработанная М.Н. Эпштейном.

Вслед за М.Н. Эпштейном, А.М. Панченко и В.Е. Хализевым мы рассматриваем русскую поэзию, развивавшуюся на протяжении многих столетий, как сверхпроизведение – мегатекст. Он включает в себя огромное количество национально-характерных образов, а потому может быть отождествлен с великим литературным наследием. Наша научная стратегия выстраивается с учетом следующей исследовательской установки А.М. Панченко: литературу следует изучать как эволюционирующую систему, которая основана на фундаменте устойчивых художественных образов. Одним из ключевых методологических ориентиров в работе становится также вывод В.Е. Хализева: константные образы (топосы и архетипы), пронизывающие художественное мышление разных авторов и развивающиеся в процессе творческого диалога, составляют самое ядро литературной традиции и образуют особый «фонд преемственности».

Отмечается, что категория архетипа становится востребованной не только в философии, психологии, культурологии, но и в литературоведении. Это объясняется тем, что, изучая генезис того или иного литературного образа, исследователи пытаются обнаружить смыслы, проникшие в семантику «вечных образов» из древних слоев художественного мышления, отразившихся в мифологии и фольклоре. Значимыми вехами на пути разработки понятия «литературный архетип» стали, в частности, работы Е.М. Мелетинского. В статье «О литературных архетипах» (1994), солидаризируясь с теорией Юнга, исследователь говорит о единой «корневой системе» художественного сознания, уходящей в сферу бессознательного. Но в этой работе обозначен и определенный методологический прорыв, поскольку Мелетинский уже транспонирует категорию «архетипа» из психологической парадигмы в систему культурных, в частности, литературных координат[10].

Зарубежное поэтическое наследие Иванова рассматривается в диссертации в тесной связи с традициями акмеизма, в основе которых – представление о

---

[9] Кихней Л.Г. Онтологический статус слова в поэтическом дискурсе Серебряного века // Кихней Л.Г. Под знаком акмеизма: избранные статьи. – М., 2017. – С. 44.
[10] Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М., 1994. – С. 7.

художественных образах как компонентах культурной памяти, архетипах, воплотивших в себе смысловые связи прошлого и настоящего. Творческий диалог поэта-эмигранта с предшественниками и современниками в реферируемом исследовании реконструируется главным образом по линии образов-архетипов, образующих сущностную основу художественной системы Иванова. При этом мы исходим из того, что «как общекультурная модель архетип скорее задает некую парадигму развития, нежели дает готовый завершенный образец»[11].

В **главе 2. «Архетипический комплекс “корабля” в эмигрантской поэзии Г.В. Иванова в контексте традиций русской поэзии»** характеризуются «лодочно-корабельные» образы, входящие в «фонд преемственности» русской поэзии и использованные в поэтических сборниках Иванова 1930 – 1950-х годов.

В **разделе 2.1 «Архетипы “лодки”, “паруса”, “корабля” как особый пласт “фонда преемственности” русской литературы»** дается оценка фрагментарных сведений об образах «лодки», «паруса» и «корабля» в зарубежной лирике Иванова, присутствующих в работах О.С. Чигиринской, О.А. Чехуновой, А.Л. Василевской. Обозначаются лакуны в истолковании этих символов, предложенном названными исследователями, связывающими их семантику исключительно с экзистенциальным мироощущением поэта-эмигранта. Делается вывод о том, что диалогические отношения с русской поэтической традицией, в которые вступает Иванов, формируя в своей эмигрантской лирике архетипический комплекс «корабля», еще не становились в отечественном литературоведении предметом специального изучения.

В **разделе 2.2 «Интерпретация архетипов “лодки”, “паруса”, “корабля” в эмигрантских сборниках Г.В. Иванова: к вопросу о роли литературной преемственности»** доказывается, что освоение поэтом этих образов создает в художественном пространстве его сборников 1930 – 1950-х годов особый архетипический комплекс «корабля». Он восходит к фольклорно-мифологическим представлениям славян и опирается на отечественную литературную традицию.

Как правило, через развитие «корабельно-лодочной» символики в русской поэзии репрезентируется мотив изгнанничества. Он концептуально значим в лирике Державина, Жуковского, Лермонтова. Творческий опыт этих авторов по-своему и осваивает Иванов, маркируя мотив изгнанничества за счет созданного им архетипического комплекса «корабля». «Лодочно-корабельные» образы, использованные Ивановым в эмигрантской лирике, многозначны. Так же,

[11] Большакова А.Ю. Архетип – концепт – культура // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 48.

как у предшественников, они создают в ивановской поэзии поле особой философской метафорики, связанной с идеями поиска смысла жизни, истины и счастья или ассоциированной с трагедией одиночества и предчувствием смерти. Осмысление «корабельно-лодочных» архетипов преемственно связывает эмигрантскую лирику Иванова с творчеством поэтов-соотечественников: предшественников и современников. Возникает его разнонаправленный диалог с Державиным, Жуковским, Лермонтовым, Анненским, Блоком, Северяниным. В интерпретации архетипов «лодки», «паруса», «корабля», сопровождающих мотив изгнанничества, Иванов выступает и как новатор. В своих стихах он усиливает их трагический смысл, подчеркивая неотвратимость личной и мировой катастрофы, связанной с историческим сломом и утратой родной духовной почвы.

Архетипический комплекс «корабля» в эмигрантской лирике Иванова воплощается в системе следующих символов, имеющих разную частотность: метонимия «взмах весла» встречается 1 раз; «ялик» – 1 раз; «лодка» – 7 раз; «парус» – 3 раза; «корабль» – 3 раза; «пароход» – 1 раз; «Титаник» – 1 раз. Каждый из обозначенных образов несет на себе особую смысловую нагрузку и участвует в создании единой художественной концепции, развернутой в его зарубежных поэтических сборниках. Вышеперечисленные образы помогают глубже и точнее понять состояние лирического героя, оказавшегося в послереволюционное время вдали от родины. Такой подход к интерпретации «корабельно-лодочных» архетипов, реализованный в эмигрантской поэзии Иванова, базируется на понимании бытия как живой органической цельности человеческого пространства. Генетически он связан с эстетикой и поэтикой акмеистов.

Сам механизм литературной преемственности (выбор образа «парохода» из многосоставного архетипического комплекса на заключительном этапе творческого пути) транслирует особенности миропонимания Иванова, философски подводящего итоги жизни поэта-изгнанника.

В **главе 3. «Орнитологическая символика в эмигрантской лирике Г.В. Иванова: переосмысление русской поэтической традиции»** предметом анализа становится творческое пересоздание архетипа «птицы», входящего в «фонд преемственности» русской литературы и активно использующегося в зарубежных поэтических сборниках Иванова. Этот вечный образ в интерпретации поэта-эмигранта художественно воплощается в разных символических вариациях: в обобщенном, собирательном образе «птицы» и в образах «птиц», принадлежащих к определенным видам («соловья», «лебедя», «журавля», «вороны», «петуха», «ласточки»).

Раздел 3.1 «Интерпретация архетипа “птицы” в зарубежных сборниках Г.В. Иванова: диалог с русской поэтической традицией» посвящен вопросу эволюции и трансформации архетипа «птицы» в ивановской лирике 1930

– 1950-х годов. В этой части диссертации показывается, что творчески осваивая в эмигрантских стихах архетип «птицы», Иванов не только продолжает русскую поэтическую традицию, но и вступает с ней в полемический диалог. Символ «птицы» в трактовке Иванова полисемантичен и полифункционален, он эволюционирует и трансформируется. В его художественной системе прослеживается следующий ряд образных модификаций: «ангел-птица» – «птица» – «мертвецы-птенцы» – «птица – крылатый булыжник» – «птица» – «птичка».

«Ангел-птица со сложенными крыльями» в ивановской лирике 1930 – 1950-х годов символизирует утрату духовной и творческой свободы. Такое истолкование архетипа «птицы» идет вразрез с фольклорной и христианской традициями, преломившимися в русской классической поэзии.

Индивидуально-авторское пересоздание архетипа «птицы» выразилось в парадоксальной образной параллели: «птенцы» – «воскресшие мертвецы». Образ «птенцов» употребляется лириком в танатологическом контексте: он оказывается вестником воскрешения душ умерших предков. Но такой опыт освоения символа «птенцов» противоречит христианским воззрениям, согласно которым воскрешение окрашивается радостными тонами. У Иванова же – мотив воскрешения передает настроение уныния и тоски. Также образ «птенцов», семантика которого связывается с «младенческими ассоциациями», сопровождает в его поэзии мотив распавшейся связи времен, сигнализирующий о бессилии художника в современном обществе. Такой опыт прочтения «птичьего» символа резко расходится с мировоззренческими установками акмеистов (Мандельштама, Ахматовой), которые, наоборот, видят сверхзадачу современного поэта в восстановлении мира и равновесия на земле.

Конфронтируя с эстетикой русских художников-живописцев реалистического направления, Иванов прибегает к использованию сниженного и даже гротескного орнитологического образа, очерченного с помощью иронического перифраза «крылатый булыжник».

Траектория эволюции орнитологической символики в его эмигрантской лирике оказывается сложной и «зигзагообразной» и не укладывается в какие-то логические схемы и рамки. Примечательно, что Иванов обновляет и обогащает семантику архетипа «птицы», ориентируясь на поэтическую традицию Пушкина. В одном из его стихотворений идея счастья художественно воплощается в образе «птицы», стремящейся к «вечерней звезде». Символ «вечерней звезды» явно отсылает читателя к пушкинской поэзии. В поле зрения Иванова попадает и другой пушкинский образ – образ «Божьей птички». Но в контексте ивановского произведения «птичка» оказывается носительницей дисгармонии. Для его лирического героя, рефлектирующего, дезориентированного и утратившего прочные духовные ценности, заключенные в наследии пушкинской эпохи,

«птичка» становится недоступной, непонятной и неуловимой. В результате, подключаясь к осмыслению пушкинской линии наследия, Иванов, как большинство поэтов-модернистов, самоопределяется, создает свои диалогические отношения с русским классиком.

В **разделе 3.2 «”Птичий пантеон” в поэтическом сознании Иванова-эмигранта: генезис, семантика, функции»** выявляются некоторые варианты семантики конкретных орнитологических архетипов – образов «соловья», «лебедя», «журавля», «вороны», «петуха», которые встречаются в произведениях Иванова 1930 – 1950-х годов. Определяется интерпретационный подход, реализованный поэтом русского зарубежья при осмыслении «птичьего пантеона», прослеживается его творческий диалог с русской поэтической традицией.

Степень частотности образов «птиц», относящихся к определенным видам, можно оценить через количественные характеристики их использования. Образ «соловья» встречается 9 раз. Образ «лебедя» – 3 раза. Образ «журавля» – 2 раза. Образ «вороны» – 2 раза. Образ «петуха» – 1 раз.

В зарубежной поэзии Иванова ведущим оказывается образ «соловья», широко востребованный в лирике предшественников. На первый план в ивановской трактовке этого символа выходит пение соловья. Именно оно становится для лирического героя знаком прощания с гармонией жизни, приметой его эмигрантского существования. «Соловьиное пение» оказывается для души поэта разрушительной музыкой: оно окрашивается страданием и ностальгией по прошлой петербургской жизни. Авторское истолкование этого образа вступает в полемический диалог с интерпретационным подходом, предложенным поэтами Золотого века, у которых семантика символа «соловья» раскрывается в тесной связи с такими константами, как «любовь», «красота», «вдохновение» и «гармония». Эволюция архетипа «соловья», происходящая в эмигрантской лирике Иванова, отражает формирование в ней экзистенциальных интенций.

Осмысление архетипа «лебедя» вполне согласуется с семантической традицией русской романтической поэзии и образным мышлением православия. «Крылья лебедя» становятся символом поэтического вдохновения, добра и свободы. «Лебедь» фигурирует в контексте ивановской лирики как носитель гармонии в мире, чреватом катастрофой.

Интерпретация Ивановым архетипа «журавля» в зарубежных стихотворениях антитетична христианскому толкованию этого образа, содержащему в своей основе идею веры и надежды на обновление человеческой жизни. В художественной версии поэта-эмигранта, наоборот, этот архетип является символом прощания с вселенской гармонией, олицетворением одинокой души изгнанника.

Аллегорический смысл образа «вороны», намекающий на оппонентов-современников, недругов поэта, опирается на басенную традицию И.А. Крылова. Символ «вороны» истолкован Ивановым в ироническом ключе. Аналогичный подход проявляется у него и в интерпретации образа «петуха», который возникает как снижающая пародия в диалоге с финалом стихотворения А. Пушкина «В часы забав и праздной скуки…» (поэтический ответ митрополиту Филарету). Пушкинская традиция, которая транслирует идею божественной природы поэтического вдохновения, переосмысливается Ивановым за счет «кощунственного», на первый взгляд, образа «петуха». Но именно этот парадоксальный образ передает глубокое отчаяние и душевное опустошение поэта, вынужденного существовать на чужбине. Использование иронических приемов в оценке действительности, а также в подробной передаче внутреннего состояния лирического героя роднит Иванова с художественными установками акмеистов.

В **разделе 3.3 «Роль орнитологической символики в создании образа «души» в поэзии Г.В. Иванова 1930 – 1950 гг.: освоение русской романтической традиции»** доказывается, что орнитологическая символика, генетически связанная с традициями русской культуры, принимает участие и в создании образа «души», являющегося стержнем художественной философии Иванова. Истолкование архетипа «души», предложенное поэтом-эмигрантом, в определенной мере согласуется с православной и романтической традициями. В лирике 1930 – 1940-х годов в образе «души», фигурирующем в лирике Иванова, подчеркнуто ее отличительное свойство: «крылатость». В художественном мире поэта-эмигранта душа порою принимает облик птицы: может перевоплощаться в образы «ласточки», как в творчестве Жуковского, Майкова, Мандельштама и др., и «лебедя», что характерно для многих русских авторов, генетически связанных с романтической эстетикой. В то же время при интерпретации символа «души» освоение русской поэтической традиции в лирике Иванова 1950-х годов идет по вектору полемического пересоздания, поскольку из семантической структуры образа «души» «вымывается» «орнитологический» компонент. В поздних стихах образ «крылатой души» в его творческой рефлексии модифицируется в образ «вянущей душки», «черствой», «потерянной», «продажной», опустошенной разрывом с родиной, с русской почвой.

В **главе 4. «Художественная концепция «музыки» в эмигрантских сборниках Г.В. Иванова: диалог с русской поэтической традицией»** дается представление о полигенезисе ивановской концепции «музыки», исследуется диалектика литературной преемственности, обозначившейся в лирике поэта русского зарубежья. Подчеркивается, что наличие особой «внутренней музыки»

в образном строе произведения становится в эмиграции первоочередным критерием в оценке творчества соотечественников и для Иванова-критика.

В **разделе 4.1 «Осмысление архетипа «музыки» в сборнике Г.В. Иванова “Розы” (1931)»** рассматривается художественная концепция «музыки», созданная Ивановым в сборнике «Розы».

В сборнике «Розы» архетип «музыки» репрезентируется в образе собственно «музыки»; в символе «эоловой арфы»; в различных аудиальных мотивах (звон, поющий голос и т. д.). Интерпретируя образ «музыки», Иванов солидаризируется с Блоком: указывает на антагонизм «музыки» и «страшного мира», «мирового уродства». Однако уже в это время в его поэзии поклонение «музыке» противоречиво сочетается с сомнением в ее могуществе. В одном из стихотворений Иванов заявляет о «беспомощности» гармоничной музыки в спасении гения Пушкина. Такая точка зрения полемизирует с символисткой традицией в целом и представлениями Блока, в частности. А вот семантика архетипа «эоловой арфы», образов «звона» и «далекого голоса» у Иванова, напротив, согласуется с поэтической традицией XIX века. Опираясь на художественный опыт Державина, Жуковского, Лермонтова, Тютчева, Иванов идеализирует «музыкальное» начало. В его интерпретации оно символизирует чистоту, лиричность, возвышенность и любовь.

В **разделе 4.2 «Эволюция архетипа «музыки» в сборниках Г.В. Иванова “Отплытие на остров Цитеру” (1937), ”1943 – 1958. Стихи”, “Посмертный дневник” (1958): традиционное и новаторское»** характеризуется логика изменения художественной концепции «музыки», воплощенной Ивановым в сборниках 1930 – 1950-х годов.

Доказывается, что архетип «музыки», функционирующий в сборнике «Отплытие на остров Цитеру», полигенетичен. Он соотносится с весьма широким мифологическим и поэтическим контекстом и выполняет важную мировоззренческую функцию. «Музыка» в понимании Иванова обретает свойство «всепрощенья», в ней воплощается идея мистического порядка и мировой гармонии. Но в ивановских стихах возникает и новый вектор осмысления этого архетипа: «музыкальная» стихия становится символом разрушения и хаоса. «Музыкальное» начало зашифровывается в образах скрипки; мотивах напева, звука, песни, окрашенных индивидуально-авторской семантикой смерти. Образ скрипки становится предметом диалога Иванова с Анненским. У Анненского скрипка и смычок – это символы мужского и женского начал, носители таинственной гармонии, за которую нужно платить болью и мукой и которой распоряжаются высшие силы бытия. У Иванова скрипка – преданный друг лирического героя, остающийся с ним рядом и в час смерти. Она, как и у Анненского,

тоже призвана создавать спасительную гармонию, но оказывается бессильной перед тьмой «мирового уродства» и погибает вместе с музыкантом.

Также Иванов вступает и в открытую полемику с Блоком, заявляя о «ненужности» музыки, о ее «глухоте» к поэтическому искусству. Теперь для лирического героя Иванова «музыка» складывается только из неясных и неотчетливых отголосков, растворяющихся в тишине ночи. Но при этом «музыкальная» стихия возвышается над жизнью и смертью и воспринимается лириком-эмигрантом как прорыв в вечность.

Опираясь на опыт романтика Жуковского, Иванов оценивает «музыку» как высшую силу, указывающую человеку верный духовный путь. Не случайно поэт характеризует ее эпитетом «путеводная». Возникает образ «белой музыки с одним крылом», напоминающей трепетную и чуткую птицу. Этот символ имеет синтетическую природу. В нем соединяются два весьма значимых для Иванова архетипа: архетип «музыки» и архетип «птицы». «Белая музыка с одним крылом» дарит лирическому герою высшие ценности: жизнь, надежду и свободу.

Концепция «музыки» превращается в поэтический миф о прошлой и счастливой жизни в дореволюционной России. Мифообразующую роль в тексте стихотворений Иванова выполняют образы-символы («звон бубенцов», «черная музыка Блока»). Этот миф воскрешает в художественной памяти Иванова дорогие воспоминания о гоголевской «тройке»; о Пушкине, ставшем воплощением русской души. Все эти образы складываются в некое смысловое единство, транслируют глубинную связь лирического героя Иванова с Россией. Именно с архетипическими «музыкальными» символами у поэта связано переосмысление традиционных образов русской классической литературы: «моря», «луны», «свечи», «лодки», «тройки», – которые выстраиваются в сборнике «Отплытие на остров Цитеру» в определенный ассоциативный ряд. Отсутствие мотива «музыки» в стихотворениях – это тоже знак: символ «пустоты», смерти души героя вдали от родины.

В сборнике «Портрет без сходства» архетип «музыки» продолжает эволюционировать: трансформируется его семантика. Лирический герой категорично отрицает роль «музыки» в своей творческой жизни, вступая уже в открытую полемику с пушкинской концепцией бессмертия поэта и поэзии. При этом «музыка» ассоциируется для Иванова с воспоминанием об утраченной гармонии.

В сборнике «Rayon de rayonne» символ «музыки» интерпретирован Ивановым в ироническом и даже самопародийном ключе. Он оказывается структурным элементом многослойного гротескного образа «брюк». «Музыка» абсурдно соединяется с «воском» и «лебедой», образуя странную «материю», из

которой сшиты брюки лирического персонажа. Иносказательно представляя свое поэтическое творчество в карикатурном вещном образе «брюк», состоящих, в том числе из «музыки», Иванов самоуничижительно десакрализирует его, приравнивает к ремеслу.

В сборнике «Дневник» архетипический образ музыки является предметом диалога Иванова с Пушкиным, Лермонтовым, Тургеневым, Анненским, Блоком. Возникает оксюморонный образ: «отравленная музыкой стрела». Его семантика мотивируется идеей «зеркальности» творческого процесса художника, который при создании стихов стремится соединить как рационально выверенное мастерство («точнейшую науку»), так и мистическое, непостижимое разумом наитие («музыку»). Теперь в художественной концепции Иванова «музыка» получает новую характеристику: она содержит яды, обладает губительной силой. Охлаждение художника к главному делу своей жизни Иванов объясняет и «мировой скукой». Идея «мировой скуки» генетически связана с традицией поэзии Анненского, стремившегося раскрыть трагедию искажения прекрасного, превращения его в безобразное. Однако художественная концепция «музыки» развивается в эмигрантской лирике Иванова зигзагообразно. В противовес настойчивому «развенчанию» «музыкального» архетипического комплекса, опирающегося на символистскую эстетику, Иванов вновь воссоздает музыкально-поэтический миф. В основу его положена идея «растворения небесного дара музыки» в земной красоте цветка, обнаруживающая выход в романтическую поэзию Лермонтова. Прорыв «музыки» в поэтическое лермонтовское слово не случаен: именно в «музыкальной стихии», воплощенной в поэзии предшественников, Иванов обнаруживает духовную опору. В художественных традициях прошлого он видит свои главные ценностные ориентиры, ощущая себя звеном в неразрывной цепи русской поэзии. Иванов модифицирует архетип «музыки», парадоксально сцепляя цитаты и реминисценции (из стихотворений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева). За этим художественным приемом стоит особый путь литературной преемственности, характерный для Иванова.

Архетип «музыки» в поэтической рефлексии поэта-эмигранта символизирует и огромное сердце художника (Тургенева), и произведения искусства XIX столетия. Образ «лиловой музыки» становится в его трактовке напоминанием о шедеврах Лермонтова и Врубеля.

Представления о космической и божественной природе «музыки», воплощенные в произведениях многих предшественников и современников поэта, в зарубежной поэзии Иванова переосмысливаются. И причины этого следует искать в миропонимании лирика-эмигранта, страдающего на чужбине и потерявшего надежду на возвращение в Россию. Трагическое ощущение утраты «родной почвы» толкает поэта к полемике с апологией «музыки», встречаю-

щейся в творчестве многих русских авторов. «Глухота» к божественной мелодии становится приметой «мирового уродства», в атмосфере которого вынужден существовать лирический герой Иванова. Все чаще лирический субъект слышит разрушительную музыку, которая доносится до него хаотичными звуками «жаз-банда», загробного вальса, цыганского романса, рояля, гитары, гармошки. Иванов полемически отрицает вдохновляющую и спасительную роль «музыки», воспетую в лирике его предшественников. Образная система последнего поэтического сборника Иванова «Посмертный дневник» дает представление о «музыке», полной диссонансов, убивающей душу. В бое барабанов, игре шарманки лирический герой угадывает приход своей смерти. Однако в финальном стихотворении исповедального сборника происходит окончательное примирение Иванова с философией «первоединой музыки»: поэт верит в то, что «звуковая» стихия, живущая в интонациях чарующей речи и голосе верной спутницы, чудесным образом вдохнет в его последнее произведение обновляющую лирическую энергию. Это и становится его поэтическим завещанием.

В **разделе 4.3 «Образ Офелии как воплощение «музыкальной» стихии в стихотворении Г.В. Иванова “Он спал, и Офелия снилась ему…”: диалог с А.А. Фетом и А.А. Блоком»** показывается, как в творческом переосмыслении Ивановым образа известной шекспировской героини отразилась и преломилась авторская оценка созданной им художественной концепции «музыки».

Вслед за А. Фетом и А. Блоком «ренессансное имя» «Офелия» поэт-эмигрант воспринимает как символ гармоничной и божественной «музыки мира». Эту шекспировскую героиню в своем стихотворении Иванов уподобляет «музыкальной спирали». Данный художественный прием не только подчеркивает связь ивановского истолкования образа Офелии с подходом Фета и Блока, но и демонстрирует новаторство поэта-эмигранта, индивидуализирующего семантику архетипа. Именно через диалектическую природу этого символа осуществляется понимание феномена музыки самим Ивановым. Такое «спиралеобразное» движение «музыкальной» стихии зафиксировано на протяжении всех его эмигрантских сборников. Оно позволяет раскрыть сложное и противоречивое отношение Иванова к самому архетипу «музыки», становящемуся предметом диалога-спора и диалога-согласия поэта с предшественниками и современниками. Символ «музыкальной спирали» транслирует авторскую характеристику его собственной художественной концепции «музыки». Во всяком случае, он очерчивает ее структурную модель, воспроизведенную самим поэтом, описывая суть механизмов творческой преемственности, задействованных Ивановым в сборниках 1930 – 1950-х годов.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационной работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

1. Ушакова О.Н. Концепция музыки в поэтическом сборнике Г.В. Иванова «Отплытие на остров Цитеру» в свете традиции русской классической поэзии / О.Н. Ушакова // **Вестник Костромского государственного университета: научно-методический журнал.** – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2017. – Т. 23, № 2. – С. 84–88. (0,6 п. л.).

2. Ушакова О.Н. Образная репрезентация мотива изгнанничества в эмигрантской поэзии Г.В. Иванова: традиционное и новаторское / О.Н. Ушакова // **Вестник Костромского государственного университета: научно-методический журнал.** – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2017. – Т. 23, № 4. – С. 123–126. (0,43 п. л.).

3. Ушакова О.Н. Семантика образа звезды в сборнике Г.В. Иванова «Розы» и поэтическая традиция / О.Н. Ушакова // **Вестник Костромского государственного университета: научно-методический журнал.** – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – Т. 24, № 4. – С. 114–120. (0,64 п. л.).

Публикации в других изданиях

4. Ушакова О.Н. Категория музыки в сборнике Г.В. Иванова «Отплытие на остров Цитеру» (1937) / О.Н. Ушакова // Мировая литература глазами современной молодежи: сборник материалов междунар. студенческой научно-практической конференции / научн. ред. С.В. Рудакова, зам. научн. ред. Т.Е. Абрамзон, техн. ред. Т.Б. Зайцева, А.В. Петров. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. – С. 345–350. (0,38 п. л.).

5. Ушакова О.Н. Тема души в эмигрантском творчестве Г.В. Иванова в контексте традиций русской литературы / О.Н. Ушакова // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 24 – 28 апреля 2017 г. В 7-ми ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. – Часть 6. – С.82–83. (0,05 п. л.).

6. Ушакова О.Н. Символ звезды в интерпретации Г.В. Иванова (на материале сборника «Розы»): традиционное и новаторское / О.Н. Ушакова // Ступени роста – 2017: тезисы 69-й межрегиональной науч.-практ. конф. молодых ученых, Кострома, 10 – 26 апр. 2017 г. / сост.и отв. ред. Л.А. Исакова. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2017. – С. 164–165. (0,09 п. л.).

7. Ушакова О.Н. Тема исторического слома в поэтическом сборнике Г.В. Иванова «Розы» / О.Н. Ушакова // Власть и общество в условиях модерни-

зации: материалы Межрегиональной заочной науч.-практ. конф., Кострома, 27 – 28 февр. 2017 г. / отв.ред. А.А. Турыгин. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2017. – С. 171–176. (0,4 п. л.).

8. Ушакова О.Н. Интерпретация образа Офелии в стихотворении Г.В. Иванова «Он спал, и Офелия снилась ему…»: диалог с русской поэтической традицией / О.Н. Ушакова // Психолого-педагогическая деятельность: сферы сотрудничества и взаимодействия: материалы III межрегиональной заочной научно-практической интернет-конференции с международным участием (Кострома, 12 – 15 октября 2017 г.) / сост. Т.Е. Коровкина; науч. ред. Ж.А. Захарова. – Кострома: Костром. гос. ун-т, 2017. – С. 310–315. (0,31 п. л.).

9. Ушакова О.Н. Символы лодки, паруса, корабля в эмигрантском творчестве Г.В. Иванова: к вопросу о роли литературной традиции / О.Н. Ушакова // Слово и текст в культурном и политическом пространстве: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции студентов и аспирантов (Сыктывкар, 21 апреля 2017 г.) / отв. ред. Т.Н. Бунчук.– Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – С. 178–180. (0,1 п. л.).

10. Ушакова О.Н. Семантика образа звезды в эмигрантском сборнике Г.В. Иванова «Розы» / О.Н. Ушакова // Мировая литература глазами современной молодежи: сборник материалов III междунар. студенческой научно-практической конференции, 22 ноября 2017 г. / науч. ред. С.В. Рудакова. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2017. – С. 279–284. (0,31 п. л.).

11. Ушакова О.Н. Образ «потерянной души» в эмигрантской лирике Г.В. Иванова: полемика с романтической традицией / О.Н Ушакова // Актуальные проблемы современного российского общества: традиции и новации. Парадигма мира как условие прогрессивного развития человечества: сб. науч. статей / под ред. Н.Е. Мусиновой; Т.В. Мойсюк. – Кострома: ВА РХБЗ, 2017. – Выпуск 6. – С. 248–252. (0,28 п. л.).

12. Ушакова О.Н. Эволюция образа соловья в эмигрантской лирике Г.В. Иванова / О.Н. Ушакова // Ступени роста – 2018: тезисы 70-й межрегиональной науч.-практ. конф. молодых ученых, Кострома, 26 марта – 30 апреля 2018 г. / сост. и отв. ред. Л.А. Исакова. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – С. 189. (0,08 п. л.).

13. Ушакова О.Н. Семантика образа лебедя в эмигрантском творчестве Г.В. Иванова / О.Н. Ушакова // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 16 – 20 апреля 2018 г. В 7-ми ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. – Часть 6. – С. 88–89. (0,06 п. л.).

14. Ушакова О.Н. Эволюция образа души в эмигрантской лирике Г.В. Иванова: переосмысление русской романтической традиции / О.Н. Ушакова // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. статей / науч. ред. Н.Г. Коптелова; отв. ред. А.К. Котлов. – Кострома: Костром. гос. ун-т, 2018. – С. 90–94. (0,34 п. л.).

15. Ушакова О.Н. Орнитологическая символика в эмигрантской лирике Г.В. Иванова и поэтическая традиция / О.Н. Ушакова // Слово и текст в культурном и политическом пространстве: материалы Всероссийской очно-заочной научной конференции студентов и аспирантов высших учебных заведений, г. Сыктывкар, 20 апреля 2018 г. / отв. ред. Т.Н. Бунчук. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. – С. 134–136. (0,97 п. л.).

16. Ушакова О.Н. Интерпретация образа птицы в эмигрантской лирике Г.В. Иванова: диалог с русской культурной традицией / О.Н. Ушакова // Психолого-педагогическая деятельность: сферы сотрудничества и взаимодействия: материалы IV Межрегиональной заочной научно-практической интернет-конференции с международным участием (Кострома, 16 – 19 октября 2018 г.) / сост. Т.Е. Коровкина; науч. ред. Ж.А. Захарова. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – С. 333–339. (0,36 п. л.).

17. Ушакова О.Н. Семантика образа зеленой звезды в стихотворении Г.В. Иванова «Когда-нибудь и где-нибудь…» (1930): диалог с А.А. Блоком и О.Э. Мандельштамом / О.Н. Ушакова // Художественный текст глазами молодых: материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых (Ярославль, 27 октября 2018 г). – Ярославль: Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2018. – С. 202–206. (0,28 п. л.).

18. Ушакова О.Н. Судьба и творчество А.С. Пушкина в поэтическом сознании Г.В. Иванова (1920 – 1950 гг.) / О.Н. Ушакова // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 22 – 27 апреля 2019 г. В 7-ми ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. – Часть 6. – С. 51. (0,05 п. л.).